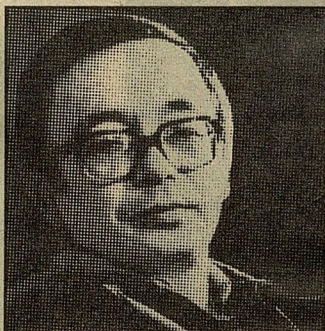

Юлий КИМ: Во мне проснулся московский патриот

Я родился в Москве. Но сказать, что я хорошо знаю Москву, не могу. Наверное, это связано с тем, что детство, отрочество и часть юности прошли вне ее. Говорю так потому, что знаю настоящих москвичей вроде Александра Асаркана — сейчас жителя Чикаго, он был замечательным театральным критиком. Или моего друга Юрия Ряшенцева, который прекрасно знает Хамовники, где он облазил каждый уголок, написал книгу о своем детстве и об этом московском районе. Петр Фоменко — знаток Москвы. Так, как они, я все-таки город не освоил. Хотя, конечно, это моя родина, и я только так и ощущаю Москву.

Общежитие пединститута на Усачевке. Помню наши походы в музеи, на ВДНХ, прогулки вокруг Новодевичьего монастыря. Однажды гуляли с приятелем по Ленинским горам. У меня в кармане был игрушечный пистолет, который я купил какому-то знакомому ребенку. И вдруг из кустов возникла фигура. Помню: одну руку эта фигура держала за пазухой, другую — в кармане. Потом я понял, что в любой момент человек готов был открыть огонь. Оказывается, мы забрели в запретную зону "высоких" дач. Я испугался, что чекист начнет нас обыскивать и найдет у меня пистолет, — тогда конец. Но он просто сказал: "А ну, идите отсюда". Вот такая история мне почему-то вдруг вспомнилась.

Особенностью жизни нашей интеллигенции, и московской в том числе, были кухни. Кухонные компании — совершенно особенный мир. Они безвозвратно уходят в прошлое, и немногие останутся с детьми их хозяев. Я такого примера и вспомнить не могу...

Все мы — дети общежитий и коммуналок и привыкли к обширным компаниям. У меня была большая компания институтских друзей. Она и поныне сохранилась, и существует несколько мест в Москве, где мы время от времени собираемся. Одно из них — школа имени Маяковского, которой командует выпускник нашего института Семен Богуславский. В традиционный день, 27 декабря, наше институтское сообщество — человек двадцать — двадцать пять — собиралось в мастерской Юры Коваля. Блистательный был прозаик, его не стало в позапрошлом году.

Через дорогу от нас жил известный педагог и писатель Юрий Айхенвальд, в его квартире существовал клуб, который не распался после его смерти благодаря усилиям вдовы и продолжает существовать вокруг нее. Тоже своя московская компания. И таких компаний в Москве множество. Их собрание в 60-е и 70-е годы имело, конечно, большое значение. Все вопросы политики, культуры живейшим образом обсуждались именно там, и как-то выковывалось общественное мнение. И все, что произрастало в те годы в театре, в литературе, в газетах, в конечном итоге питалось этими кухонными разговорами, встречами. И общественное дви-

жение тоже здесь формировалось, потому что наши славные диссиденты все-таки вышли из этих самых кухонь, и они составили основу общественной оппозиции существовавшему тогда режиму.

Мне нравится, что сейчас Москва строится по-новому и разнообразно, что реставрируются старинные здания, даже в каком-то лихорадочном темпе, но достаточно бережно. Почти всю мою жизнь храм Василия Блаженного стоял в строительных лесах — отреставрируют одну башенку с куполом — начинают другую, тем временем отреставрированная разрушается... Так леса и ездили по храму. Никогда его другим не видел, только вот сейчас дожид. То же самое происходило и со статуей "Рабочий и колхозница" — ее леса подпирали до полного неприличия.

Очень долго я внутренне протестовал против восстановления храма Христа Спасителя, но теперь у меня нет никакого протеста, мне нравится это дело, тот размах, с каким за него взялись. Храм хорошо вписывается в общую картину Москвы. Но все остальное строящееся — уровня гостиницы "Россия", то есть низкого. Как, например, памятник Жукову. Никакого серьезного художественного обсуждения! Это меня не только огорчает, но и немного тревожит, потому что это говорит о волевых решениях, от которых мы уже натерпелись в свое время.

Если говорить о том, что ушло из московской жизни, я бы начал вам перечислять какие-то дружеские компании, через что прошла наша юность, это будет таким воспоминанием молодости. Но делать вывод, что это ушло из жизни Москвы, будет неверно, потому что это ушло из нашей жизни. Это то дорогое, что окрашивало нашу юность, а не город. Может быть, уместнее говорить о том, что было в нашей юности и чего я не наблюдаю среди теперешних молодых людей? Но это будет скучным брюзжанием старика и совершенно несправедливым, потому что у каждого своя молодость.

Зимой я побывал в Израиле, куда ездил уже четвертый раз, и впервые я там почувствовал, что хожу по улице без опаски. Это было для меня несколько неожиданно. Значит, я по Москве последние годы хожу с опаской. В застойные времена опасность была связана с ЧК, особенно когда идешь по Москве и держишь в кармане запрещенного Солженицына. Сегодня ждешь агрессии уже с другой стороны — криминальной.

Я надеюсь, что грядущее празднование 850-летия Москвы будет пышным и праздничным. Хотелось бы только поменьше официальщины и помпезности. Меня всегда пугают бурные вспышки русского патриотизма, которые сразу напоминают о сталинских временах. Боюсь и другого крена — в православие, колокола, демонстративное осенение себя крестом. Как всякий праздник, этот чреват показухой. Показухи любовью — религиозной или патриотической — я желаю меньше всего нашему славному празднику. Мне больше хочется юмора, веселья. Я даже пытался сочинять песню к 850-летию, она пока еще не закончена. Во мне проснулся московский патриот.

Записала
Елена АЛЕКСЕЕВА.